

Саид 3. В огне

Автор:

[Анастасия Шерр](#)

Саид 3. В огне

Анастасия Шерр

Хаджиевы #6

- Почему ты постоянно смотришь в окно?

- Привычка с детства. Каждую свободную минуту я проводил у окна, надеясь увидеть там мать.

- И до сих пор её ждёшь?

- Нет. Теперь я надеюсь увидеть там тебя.

Содержит нецензурную брань.

Анастасия Шерр

Саид 3. В огне

ГЛАВА 1

- Красотааа. Давно не бывал в таких местах, – довольно, с каким-то садистским удовлетворением потянул носом Молох и повернулся к новому знакомому. – Хороший у тебя клуб. Кровищей воняет, аж шерсть дыбом.

Тот усмехнулся.

– Я знал, что тебе понравится. Сам-то размяться не желаешь? Гляди, какой зверь в октагоне. Такого свалить будет непросто. Ещё ни одного поражения, – собеседник хитро взглянул на Молоха, и тот покачал головой.

– Думаешь, не свалю? Я на зоне и не таких шатал.

– Этого, думаю, не сможешь. Зона зоной, но у нас всё по-другому. Финки и кастеты запрещены. Только тело.

– Да не вопрос, – Молох завёлся. Дурная привычка, сам знает. – А как парня-то зовут? Хорошо махается, – кивнул на клетку, где татуированный псих уже превращал своего соперника в кусок фарша. Жестоко и быстро. Наносил удары молниеносно, и каждый из них, как хорошая пиздюлина куском арматуры. Кулачищи пудовые, взгляд бешеный, абсолютно неадекватный. Словно ему уже нечего терять... Молох видел таких на зоне. Опасные ребята. Тем и опасные, что стоп-крана у них уже нет. Такие умудрялись и смуту устраивать, и на ментов кидаться с финкой. За это, конечно, их уничтожали. Как сбесившееся животное... Пулей в лоб. Молоху даже было жаль парней. Он и сам немало в жизни повидал, но так, чтобы стало вдруг всё равно, чтобы самому себя в медвежий капкан загнать... Нет, он не представлял, что должно произойти, чтобы так опустить руки.

– Саид Хаджиев.

– Хаджиев? Хаджиев... – задумчиво повторил Молох и повернулся к знакомому. – Где-то слышал о таком. Или об отце его... Это же те самые Хаджиевы, да?

– Долго же ты был на киче, – покачал головой собеседник.

– Да не мало, – согласился Молох. – Десять лет как-никак. Так что мимо меня таких Хаджиевых проплыло, как говна по реке.

Знакомый отчего-то снова усмехнулся.

– Этот ещё долго продержится на плаву, – мужчина взглянул на зверя в клетке как-то тепло, по-родному.

– Твоя подружка, что ли? – оскалился Молох, на что новый знакомый лишь скривил рот в подобии ухмылки.

– Лучше. Мой брат. А ты поосторожнее с выражениями. Он в последнее время бывает не очень вежлив.

– Так ты что, тоже Хаджиев? – ошарашенно уставился на Варвара, а тот пожал плечами.

– Вроде как, да.

– Ммм... – протянул задумчиво Молох и снова вернул внимание зверю в октагоне. – Я согласен на бой. Только скажи мне, что случилось с твоим братом?

Варвар перевёл хмурый взгляд на мечущегося в клетке родственника, вздохнул.

– Беда у него случилась. Невеста погибла. А он до сих пор не верит. Вот и сгоняет ярость в боях. Так себе помогает, по себе знаю, но хоть что-то.

Так он и думал. В девяноста процентах случаев всему виной баба. Бабы – зло, если их впустить в сердце и душу, они там корни пустят, и ты, считай, навеки проклят. И хорошо, если угодило влюбиться в какую-нибудь тупую блядь, у которой в голове только шмотье да ресторанчики. От такой вреда по минимуму. А вот если эта сука ещё и умная... Тогда, считай, всё. Допрыгался фраерок. Сожрёт и не подавится. И плевать ей, насколько стальные у тебя яйца.

– Ясно, – Молох провёл пятернёй по заросшему жёсткой щетиной лицу. – Давай, запусти меня в клетку.

Хаджиев от боя не отказался, но, когда Молох шагнул в октагон, смерил его насмешливым взглядом. Да, тот после кичи заметно поухох, только не в массе сила, и Хаджиев, как профессиональный боец, должен об этом знать.

– Привет, Саид! Говорят, ты тут самый опасный парень? Покажешь, на что способен?

Хаджиев ухмыльнулся окровавленным ртом, внутри что-то неприятно сжалось. Этот мужик вблизи кажется ещё более безумным.

– Уверен, что хочешь этого? – по мокрому от пота торсу вились старые и новые наколки. Уж в чём, в чём, а в «синей болезни» Молох разбирался. Хаджиев исписывал себя не просто так. Он, по ходу дела, добавлял по наколке раз в неделю. Чаще нельзя.

– А говорят, ваши тату не любят? – ответил вопросом на вопрос. – Чего забил себя так? Мазохист, что ли?

Наколки Хаджиева были сложными, а значит, болезненными. И все как одна вызывали тревогу. У парня явно с башкой проблемы. Какие-то жуткие черепа, огонь, люди, исчезающие в пламени, с открытым ртом, будто вопят в агонии. В основном женщины. Да. Опять бабы...

– А я не все. Так что, драться будем, или заговорим друг друга до обморока? – Хаджиев, и правда, выглядел скучающе.

– А ты сначала подлататься не хочешь? – бросил ему с насмешкой Молох. Хаджиеву действительно не помешало бы наложить пару скоб на рассечённую бровь. Потом шрам останется уродливый, а то, что шрамы мужика красят – наглая брехня. Его потом бояться все, но явно не любят.

– Тебя загашу и подлатаюсь, – кинул тот, всё ещё на адреналине. Вряд ли он сейчас боль чувствует. Предыдущего противника из ринга вынесли.

Молох закончил с повязками на кистях, шагнул на встречу, и толпа взревела. Но... Чего-то не хватало для полного кайфа. И он даже знал чего. Хаджиев пока только вполсилы выложился, недюжинный запас энергии при нём. Это плохо. Так он долго не выдохнется.

– Слышал о твоей подружке! Мне очень жаль! – крикнул, стараясь переорать вой толпы, почуявшей кровь. Нихера в этом мире не меняется. Люди всё такие же

ублюдочные твари, жадные до зрелищ, жратвы и ебли. – Ты хоть отодрать-то её успел или так целкой и... – договорить он не смог, потому что ухмылка Хаджиева в мгновение ока превратилась в оскал, и пудовый кулачище втопился в челюсть Молоха. Дааа... Это то, чего он так хотел. Раздраконить зверюгу, посмотреть его грани. Довольно забавно. Только больно, пиздец как. Будто моторвагонный состав в морду врезался. А парень неплох.

Шутки закончились со вторым тяжёлым ударом. Веселиться Молоху как-то расхотелось, и он отпрянул назад, дав себе пару секунд передышки. Злой соперник – заведомо проигравший соперник. Так было всегда. Но только не в случае с Хаджиевым. Этот засранец будто из гнева силы черпает. Хотя чего удивляться. Такие, как он, за счёт гнева и живут.

Собравшись, закрыл морду блоком, но пропустил пару незначительных ударов по торсу и пошёл в наступление. Хаджиев же, отхватив по харе, отшатнулся, широко улыбнулся. Наконец-то, достойный противник, а не те соплежуи, что были у него до Молоха. У последнего было учителей хоть отбавляй. Что до зоны, что на ней. Да и на воле много врагов осталось. Некогда клювом щёлкать.

Бой закончился спустя полчаса, когда оба выдохлись и хорошенько поистрепали друг друга. У Хаджиева заплыл глаз, и губы превратились всмятку, а Молоху пришлось попрощаться с парой очередных зубов. Зря капу в рот не сунул. Хотя после десяти лет на киче, хочешь не хочешь, а пойдёшь к стоматологу. Сошлись бы на ничью, но Хаджиев был против. Разгорелся, психопат, не потушить. Пришлось продолжать, хотя уже и не так резво. И последний хук таки проебал. Сверкнуло в глазах, и Молох свалился на татами, а вместе с этим из лёгких выбило весь воздух.

– Хватит тебе или ещё накинуть? – сверху вниз глянул на него Хаджиев.

– Пожалуй, разойдёмся. Я как-то, знаешь ли, не в форме сегодня, – проскрипел, сплёвывая кровь.

– Ещё раз о моей женщине что-то скажешь, я глотку тебе порву, Молох. И насрать мне, кем ты был или есть. Понял? – руки не подал. Впрочем, Молох ещё был в состоянии сам подняться. Да и не привык он, чтобы кто-то помогал. Не ту профессию когда-то выбрал.

Как следует умылся ледяной водой, взглянул на себя в зеркало. Да, красавчик. Не успел на воле очутиться, как уже с размазанной харей. Сплюнул кровавую слюну в белоснежную раковину, толкнул дверь сортира и вышел в зал. На ринге снова кто-то кого-то месил, но Молоха это уже мало интересовало. Пришло время узнать, зачем его прямо от ворот зоны привезли сюда, к Хаджиевым. Конечно, Молох не так прост, как может показаться со стороны, и прекрасно знал о положении дел в мире. Как и о самих Хаджиевых...

Присел за стол, где его уже ждал бывший противник с такой же размалёванной рожей и его брат. Оба уставились на Молоха испытующе, с насмешкой.

- Ну что, как тебе мой брат? - Варвар окинул взглядом помятого Елисея.

- Так меня за этим сюда твои горные орлы притащили? Чтобы я твоим братом любовался? Извини, но я больше по девочкам.

Варвар с улыбкой почесал бороду, Саид же без всяких эмоций продолжал его изучать. Молох заметил, что он и во время боя также пристально смотрел в глаза, будто считывал его будущую реакцию. И, надо признать, почти ни разу не ошибся. Интересно, кто его так выдрессировал?

- Мы познакомиться хотели. Легенды о тебе ходят громкие, - наконец, заговорил младший Хаджиев. - Правду говорят или врут?

- Вы сами обо мне всё знаете, парни. Иначе я бы здесь не сидел. А теперь вопрос: что я здесь делаю? Разве не положено мне, только откинувшемуся с зоны правильному пацану, драть длинноногих красоток в гостинице? - ответил прямым взглядом в глаза.

- Успеешь потрахаться. Дело есть. Говорят, ты можешь выследить кого угодно и в любой ситуации, - Хаджиев поднял стакан с виски, сделал глоток. Поморщился, когда спиртное прижгло раны.

- Ага, вы меня ещё сталкером назовите, - отшутился, но внутри как-то неприятно стало. Только-только на свободу вылез, и опять работа. Он никогда её не искал, так вышло, что она сама нашла его и находила каждый раз, как бы он ни сопротивлялся. Кому-то нужно этим заниматься - так он успокаивал себя до тюрьги. Теперь же мысль была только одна: свалить отсюда подальше и больше

не видеться с этими Хаджиевыми. Ни с кем из тех, с кем когда-то имел дела.

- Плевать. Ты можешь найти пропавшего человека или нет? – подался вперёд младший Хаджиев, и в его глазах Молох заметил то, чего уже давно не видел в человеческих взглядах. Надежду.

- Слушай, Саид... Мне, и правда, жаль, что у тебя с женьбой не заладилось, но я больше этим не промышляю. Профессия чистильщика уже не в почёте. Особенно для тех, кто за это десятку тянул. Так что с мезтью не помогу. Извини.

- Если надо будет кого убрать – без тебя разберёмся. Нужно только найти человека, – Саид явно не собирался сдавать назад.

- Или подтвердить, что этот человек погиб, – будто нехотя добавил Варвар, покосился на брата.

- Нет. Найти! – рявкнул на это злобно Саид, и Молох подумал, что между братьями не всё так гладко.

- Почему я? – спросил, махнув свою порцию обжигающего вискаря, выдохнул.

- Многие искали. Ни менты, ни частники, ни даже наши люди не нашли. Нужен такой, как ты, – мрачно заключил Хаджиев. – Если найдёшь её, я буду перед тобой в неоплатном долгу.

Иметь в вечных должниках Хаджиева, пожалуй, будет полезно... Только вот отвратительное ощущение, что его снова засасывает в старое болото не прошло.

ГЛАВА 2

Двумя неделями ранее

– Куда подевался отец? – Марат обошёл первый этаж, осмотрел всё вокруг придирчивым взглядом. Кабинет старшего Хаджиева был пуст уже давно. Там даже пыль накопилась, чего он не наблюдал раньше никогда.

– Передо мной вы не отчитываетесь, – пожала плечами Хаджар, глядя себе под ноги. – А я не лезу не в своё дело. Ты же знаешь, сынок. Отец уехал, велел в кабинет не ходить, даже убираться запретил. А младший либо наверху, как сейчас, – кивнула на второй этаж, – либо где-то пропадает. Потом возвращается уставший... Иногда злитесь, комнату её крушит. Потом сам всё на места складывает. Жалко мне мальчика... Второй раз такой ужас переживает.

Марат нахмурился, остановился у лестницы. Подниматься наверх не хотелось. Не потому, что не желал видеть Саида. Просто не мог видеть его в таком состоянии. Помнил себя после потери жены и сына. Он тогда вообще на человека мало был похож. И боль не уйдёт даже с годами. Даже когда появится другая семья, не менее любимая. Боль всё равно останется внутри, как вечный огонь, как напоминание, что нужно любить их ещё больше. Потом появятся паранойя и вечный страх потерять их. Ты превратишься в долбаного психа, помешанного на безопасности и слежке за ними. А потом немного успокоишься. Наверное. Но боль не уйдёт. Она навсегда останется внутри.

Саид сидел на кровати, сложив руки в замок и бездумно пялясь на свадебное платье, что до слепоты белым напоминанием выворачивало душу. Дурная это привычка – изводить себя.

– Что надо? – отозвался глухо и, взяв с тумбочки почти опустевшую бутылку с виски, приложился к горлышку.

– Пришёл увидеть брата, – Марат прошёлся вдоль стены, встал напротив. – А ты всё бухаешь?

– Бухают – это когда напиваются. А у меня даже нажраться не получается.

– Даже если получится – не поможет. Тебе не кажется, что пора принять тот факт, что она...

– Она жива. И мне плевать, что вам там кажется.

– Это нелегко принять, я знаю. Но рано или поздно придётся. И чем дольше ты обманываешься, тем больнее будет потом. Это нельзя отсрочить. Нельзя оттянуть. Поверь мне, брат. Я сам пережил то, о чём сейчас говорю.

– Чего пришёл, Марат? Няньки мне не нужны, – отбросив пустую бутылку в угол комнаты, поморщился от её звона.

– Пришёл, чтобы поговорить.

– Слушаю.

– Вербин сказал, что ты забрал тело девушки. Но если помнишь, у него осталось тело мужчины.

– И?

– Тебе ведь известно, что это он. Радугин.

– Дальше что?

– А то, что твоя Надя была с ним. Соответственно, женское тело принадлежит...

– Не ей. Если ты припёрся, чтобы ебать мне мозги, то лучше сразу проваливай. В ваших с Вербиным умозаключениях я не нуждаюсь. Предпочитаю жить своим умом.

Марат шумно выдохнул, прошёлся по комнате. Жутко здесь. Как в склепе каком-то. Платье ещё это...

– Тогда у меня к тебе предложение. Есть один мужик... Молох. Может, слышал о нём? – не дождавшись ответа Саида, продолжил: – Он через неделю с зоны выходит. Говорят, раньше чистильщиком был. Мог достать любого человека хоть из-под земли. Никому не удавалось от него скрыться. Даже сваливших за бугор политиков вылавливал. Если ты приведёшь себя в чувство, я сведу тебя с ним.

– А тебе что от этого? – Саид поднял на Марата уставший взгляд красных глаз, прищурился.

– Не ищи подвоха там, где его нет. Как бы ты ни относился к своей семье, нам ты по-прежнему не чужой. Мне ты брат. Как-нибудь я набью тебе морду за дерзость, но это будет позже. Сейчас я хочу, чтобы мой брат вернулся.

Саид поднялся, и на этот раз поморщился Марат. В расстёгнутой несвежей рубашке с пятнами крови, весь заросший, со сбитыми кулаками, он походил на Варвара, когда тот потерял сына и жену. Влюбился, значит, мелкий. Хм... Забавно. Саид всегда был копией отца, кто бы мог подумать, что он вообще умеет любить. Хотя, если вспомнить историю старика и матери Саида... Наверное, всё же умеют.

– Куда ехать?

– Пока никуда. Его всё равно выпустят только через неделю. А ты приведи себя в порядок и включай мозги. И пообещай мне, если Молох не найдёт твою женщину или докажет, что она погибла – ты перестаёшь себя истязать. Слышишь?

Саид не услышал. Он вообще не слышал ничего и никого, кроме её голоса. И так отчаянно боялся его забыть и больше не услышать, что не пускал в свою голову голоса других.

Сейчас

– В неоплатном долгу, говоришь? – Молох усмехнулся, окинул братьев внимательным взглядом. – Отказаться, я так понимаю, не могу?

– Не можешь, – всё так же угрюмо произнёс Саид. – Поверь, лучше иметь меня в должниках, чем во врагах.

Что ж, ни разу не тонкий намёк был понят и принят. Молох молча кивнул, поднял свой бокал с виски.

– Тогда с вас гостиничный номер с хорошим баром и пара шлюх. И неделя мне на отдохнуть.

– Три дня, – буркнул Саид, толкая бутылку с виски в направлении Молоха. Та заскользила по столу и остановилась, перехваченная рукой Елисея.

– Договорились.

У него снова появилась надежда. Почти утерянная, исковерканная, изуродованная, кровоточащая и хромая. Но она всё ещё жила, а он всё ещё ходил на пепелище. Золы практически не осталось, ветром всё разнесло. А он продолжал там сидеть и смотреть на горизонт. Не радовал ни закат, ни рассвет, который он встречал там же. Он просто смотрел вдаль и думал, что, наверное, сошёл с ума, а все, кто твердит о её гибели, правы. Нет её больше. А он не привык проигрывать, вот и не сдаётся. Но какой в этом смысл? Как долго он ещё сможет сопротивляться? Даже её родители поверили. Они приняли её гибель, а Саид вот никак не может. Не под силу ему.

Несколько раз порывался достать то тело из земли и отдать его Вербину на экспертизу. Но тут же отменял приказ и снова возвращался домой. Если вдруг окажется, что там она... Что это её тело он похоронил в безымянной могиле, тогда точно задохнётся. Сдохнет, как пёс на этом проклятом пепелище.

– Три дня, а потом ты найдёшь её мне.

– И как оно на зоне?

Молох поставил на стол пустой стакан, пожал плечами.

– Как в тюрьме. А что, не бывал?

– Пронесло как-то, – Саид всё ещё помнил о записи, которая транслировалась из тачки Шевцова. Скорее всего, теперь она у Шевцова-старшего. Но тот всё ещё надеется вернуть своего ублюдочного сына и разобраться с Хаджиевым без

участия закона, а потому не пускает её в ход. Зря. С записью ведь может что-то случиться. Как случилось с его сынком.

- Повезло, что пронесло. Там немного грустно, - в своей саркастичной манере отозвался Молох.

- Но ты же выжил. Целых десять лет. Это срок.

Молох поднял на него задумчивый взгляд, в котором Саид уловил кое-что ещё. И он точно знал, как это называется. Гнев. Тот самый, которым живёт и сам.

- Мысль о мести помогла, - подтвердил его догадки Молох.

- Кого надо грохнуть?

Елисей покачал головой, слабо и как-то безрадостно усмехнулся.

- Э, нет. Это моя месть.

- Ты же говорил, не хочешь больше убивать.

- Не хочу. Это будет последнее убийство в моей жизни.

- А что потом? - Саид и сам бы хотел знать, что бывает потом. Но боялся представить это «потом». Потому что в нём может не быть её... Той, с кем хотел бы это «потом» провести. А потому отчаянно боялся его.

- А потом... А потом всё. Потому что без неё я жить уже не смогу, - задумчиво пробормотал Молох и опустошил, наверное, десятый по счёту стакан.

- Без неё? Без мести?

Молох поднял на него взгляд, и стало всё ясно даже без слов. Он не о мести. Он о женщине.

- Без той, которая меня предала. Это из-за бабы я десятку тянул.

Жестоко. Для такого, как Молох, вдвойне. Обычно люди, вроде него, не верят никому и никогда. А если кого-то пускают в своё сердце, то это навсегда. В общем, всё, как у Саида. Только Надя его не предавала. Её у него забрали.

ГЛАВА 3

Я подошла к окну, осторожно выглянула наружу и вздрогнула, когда за спиной послышались негромкие шаги.

– Я же говорил, не открывать шторы. Какое из этих трёх слов тебе непонятно?

– Прости, – отшатнулась назад, затыкая тяжёлой шторой просвет. – Я просто по солнцу скучаю.

– Твоя любовь к солнцу может стоить мне жизни. А я не собираюсь подышать, потому что какой-то бабе захотелось погреться. Обогреватель вон там, – указал на калорифер у кровати, куда я сама его и поставила.

– Мне кажется, ты слишком осторожничаешь. Нас уже давно никто не ищет. По крайней мере, так, как искали раньше.

Мужчина скривил губы в подобии ухмылки.

– Значит, ты не знаешь моего брата, раз так думаешь. Есть хочешь?

Я кивнула, облизнув потрескавшиеся от недостатка витаминов и отсутствия косметических средств губы.

– Садись, – он плюхнулся за столик, кивнул на стул напротив. Подвинул мне пакет с едой. – Разложи.

– Долго мы ещё здесь пробудем? – я достала контейнеры с мясом и овощами, открыла упаковку с хлебом.

- Посмотрим.

- Так долго на одном месте мы ещё не задерживались.

- Пока тихо всё. Видать, тебя и вправду уже не ищут, - уставился на меня испытующе. Ждёт реакции. Я уже не раз замечала, что ему интересны человеческие эмоции. Наверное, оттого что сам их не испытывает.

Но я уже научилась не показывать свои чувства. Жаль, я всё ещё их ощущаю...

- Что ж, это, наверное, хорошо.

- Но ты не испытываешь по этому поводу радости, ведь так? - не знаю, угадал он, или я пока плохо скрываю свои эмоции. Как бы там ни было, он прав.

- Не испытываю.

- Почему?

Я пожимаю плечами, попросту игнорируя его вопрос.

- Есть хочется, - ставлю на стол тарелки и приборы.

- Ты его любишь, - заключает он и принимается за еду.

- Я не знаю, - вру, потому что мне сложно признаться в этом даже себе. Мне вообще сложно что-либо объяснить.

- Как оно? Любить?

- Любить? - поднимаю на него потерянный взгляд. - Нууу... Это сложно пояснить словами. Это нужно чувствовать.

- Ясно.

- Ну ты ведь любил хоть кого-нибудь? Маму, отца, может? На худой конец собаку, кошку, хомячка. Хотя бы чувствовал привязанность?

Он поднимает на меня равнодушный взгляд.

- Нет.

- Совсем никого?

- Нет.

Как же всё сложно.

- Ну... Девочки тебе нравились в юности? Всем мальчишкам нравятся девочки.

Он поднимает на меня глаза, я смотрю в них и понимаю: он не был мальчишкой. С таким диагнозом не испытывают даже обычных детских радостей.

- Нет.

- А что ты любил: есть или одевать? Конфеты, может? Все дети любят конфеты.

- Мне было всё равно.

- Да... Это грустно, наверное. Ничего не чувствовать.

- Я чувствую гнев и злобу. Иногда возникает желание кого-то убить. Это же тоже чувства.

Я едва не давлюсь куском мяса, прокашливаюсь.

- Ну, вообще, да. Это тоже чувства. Только они больше животным подходят. Извини, - опускаю взгляд в свою тарелку, а он невозмутимо продолжает жевать свой стейк.

- Люди хуже животных. Это факт, который даже доказывать не нужно. Я не прав?

- Нет, ты во многом прав. Но помимо гнева и желания убивать люди чувствуют ещё много всего... К примеру, радость. Любовь. Огорчение. Желание поплакать или посмеяться. Одиночество, страх.

- А что хорошего в чувстве страха? Одиночество... Одиночество мне нравится. А радость и любовь - это для девок. Я же не девка.

Хмыкаю. Здоровенный нерусский бугай с акцентом, с бородой и шрамом, рассекающим лоб и весь левый висок. Совсем на девку не похож.

- Что?

- Ты ошибаешься, если думаешь, что любить могут только женщины. Мужчины тоже любят. И иногда даже сильнее, чем женщины. А страх, он не из приятных чувств, да. Но все вместе эти эмоции и делают нас людьми. Делают нас живыми, понимаешь?

Он не понимает. Он пытается, я вижу. Но не понимает, потому что никогда этого не чувствовал.

- Животные тоже боятся. Все боятся. Кроме меня, - доедает последний кусок стейка и откидывается на спинку стула.

- Да. Кроме тебя, - соглашаюсь. - Но ведь и у тебя есть чувство самосохранения. Это уже хорошо, - не знаю, кого пытаюсь этим обмануть: его или себя?

- Ага. Хорошо. Хорошо, что я не совсем дерево, - смеётся, смеюсь и я.

- А что насчёт женщин? Пусть ты лишён многих чувств, но ведь испытываешь сексуальное влечение?

- Разумеется. Я же не импотент.

– И как это всё происходит? То есть тебе же хорошо с женщиной? Каких ты предпочитаешь? Высоких, маленьких, блондинок, брюнеток? Полненьких или худышек?

Он пожимает плечами.

– Тех, с которыми можно кончить. Мне всё равно, как она выглядит. Лишь бы член на неё встал.

– Понятно, – отодвигаю тарелку с недоеденным стейком, проглатываю подступивший к горлу ком.

– Что, всё ещё плохо? – он, конечно же, не от волнения за моё здоровье интересуется. Ему просто не хочется снова тащить меня на себе, когда придёт время менять квартиру.

– Нет... Наверное, простыла немного. До завтра отлежусь.

– Учти, если придётся сваливать, а ты будешь в коматозе – я тебя брошу, – предупреждает он честно.

– Со мной всё нормально.

– Тогда я пошёл. Вечером принесу поесть.

Я наблюдаю, как громила поднимается, одной рукой убирает с дороги стул.

– До вечера, Шамиль.

Убрав со стола, залезаю на кровать с ногами и открываю книгу. Строчки уже не расплываются от слёз, но я с трудом понимаю, о чём читаю.

Сломлена. Уничтожена. Словно в огне том сожжена. Словно мне перебили позвоночник и оставили там, в том жутком, тёмном доме. И вроде как радоваться должна, что вырвалась, но не получается. Кажется, я вообще разучилась радоваться и улыбаться.

Прошло несколько месяцев после гибели Славы, а я до сих не могу собрать себя по кусочкам. Будто меня, как какую-нибудь вазу, разбили на мелкие осколки, так, что не склеить.

Я завидую Шамилю. Тому, как он может наплевать на всё вокруг и не думать о тех, кто предал, или о тех, кого предал он. Ему не больно оттого, что семья отказалась от него. Ему не больно оттого, что он натворил в прошлом. Ему вообще не больно.

ГЛАВА 4

– Можно я останусь? – руки с красным, словно кровь, маникюром легли на его плечи, и Саида передёрнуло от этого прикосновения.

– Нет.

– Почему? Я могла бы вам помочь... – прошептала девушка, склонившись к его уху.

– Я не люблю, когда кто-то стоит за моей спиной. Выходи оттуда.

Её ладони соскользнули с его плеч, прошлись по рукам с закатанными рукавами рубашки.

– У вас красивые тату...

Тату... Дура тупая. Тату у девочек на жопе, а у него шрамы. Шрамы, которые никогда не зарастут. Болью он напоминает себе, что всё ещё дышит.

– Тебя как зовут?

– Вероника, – протянула обиженно девка.

– Слушай, Вероника, у тебя какая задача? Чем ты здесь занимаешься?

– Я ваш секретарь, – вконец растерялась. Хотя, скорее, делает вид, строит из себя тупицу.

– Тогда что ты здесь делаешь? – взглянул на неё устало.

– Кофе вам принесла, – виляя задом, обтянутым атласной тканью, прошла вперёд, встала перед ним в позу, рекламируя товар лицом.

– Принесла. Что ещё?

– Хочу помочь вам расслабиться. Вы в последнее время...

– То, какой я в последнее время, тебя не должно ебать, Вероника. А теперь пошла отсюда, пока я тебя не вышвырнул из окна одиннадцатого этажа. Или в бордель отправлю, там тебе самое место, похоже. У меня есть парочка стриптиз-клубов, там высокопрофессиональные шлюхи работают. Работёнка прибыльная. Хочешь?

Девушка сложила пухлые губы трубочкой и повильяла накачанным задом к двери.

– Позовите меня, если захотите кофе, поесть или минет. Я всегда к вашим услугам, Саид Саидович, – наглая шалава даже не обиделась, не испугалась. И где только отец таких берёт?

Вспомнив об отце, снова набрал его телефон, но в динамике опять зазвучали лишь длинные, монотонные гудки. Куда он делся? Почему оставил всю свою охрану и не отвечает на звонки? Может, отследить?

Хотя Саид знал: если отец не захочет, найти его не получится. А может, и не стоит? Может, он с бабой где-нибудь отдыхает?

– Стойте! Стойте! Вы куда? Подождите! Саид Саидович занят! – из приёмной послышался вопль секретарши, и Саид поморщился. Похоже, тишины здесь он не дожждётся.

– Отойди с дороги, – послышалось презрительное, а Саид, узнав голос, выругался.

Хадия вошла в кабинет, захлопнула дверь перед носом охреневшей Вероники и сделала несколько неуверенных шагов. Пронеслась взглядом по кабинету, остановилась на нём.

– Здравствуй, – поднялся, вздыхая. Отодвинул для неё стул. – Рад видеть, – ложь, разумеется, но вежливость ещё никто не отменял.

– Здравствуй, сынок. Объяснишь мне, что происходит? – она тут же обуздала эмоции, снова надела маску ледяной суки. И как этой женщине удаётся так хорошо скрывать свои эмоции? Отец, что ли, научил? Или брак с ним – человеком, который никогда её не любил?

– А что происходит? Чай, кофе?

Мачеха отрицательно мотнула головой, дождалась, пока он вернётся к своему креслу.

– А ты не знаешь разве? Где твой отец, Саид?

– Честно говоря, понятия не имею, – вот это уже правда. – Я не видел его несколько месяцев. А что?

– Вы говорили с ним?

– Нет. А что? – спросил уже с нажимом, а Хадия закрыла глаза, словно от боли, покачала головой.

– Мне бы тоже хотелось знать, что. Его нет уже столько времени, на звонки не отвечает, не перезванивает. Охрана здесь, и никто не знает, куда он подался. Я волнуюсь.

Она лжёт. Хадия не волнуется за отца, потому что все прекрасно знают: Саида-старшего убить весьма и весьма трудно. И если он исчез, значит, сам того захотел. А переживает она отнюдь не за его здоровье. Хадия чувствует, что у

старика завелась очередная любовница. Вот и прибежала искать.

- Не стоит переживать. Он, скорее всего, уехал куда-нибудь за границу, - трахать свою новую бабу где-нибудь на островах. - По делам. Скоро вернётся.

- Так ты что-нибудь знаешь? - прищурилась, подавшись вперёд. Это Хадия от отца переняла эту привычку. Правда, у Хаджиева-старшего получается куда органичнее. Взгляд мачехи заставил только мысленно усмехнуться.

- Сказал же, нет. Он не отвечает и на мои звонки. Занят, наверное.

- А ты как? - она вдруг потянулась к его руке, накрыла её своей ладонью. Какого лешего сегодня все хотят его потрогать? Вот нахрена? Руку не отдёргнул, но пропустил по телу неприятную дрожь.

- Нормально я. Работаю.

- О Наде ничего неизвестно? Хотя бы какая-нибудь зацепка? - от её имени, прозвучавшем из чужих уст, стало больно в районе лопаток. Каменной тяжестью вновь навалилась апатия.

- Нет. Ничего.

- Мне так жаль, сынок, что ты снова переживаешь этот ужас. Поверь, мне самой очень больно оттого, как ты мучаешься сейчас. Никто не заслуживает такого...

- Да. Никто, - ответил кратко, отчаянно желая завершить этот бесполезный трёп. На исходе третий день. Пора звонить Молоху, дать ему пинка, чтобы начал, наконец, работать. Зачем он вообще дал ему эти три дня? Хотя... Больше ждал. И если Молох откажется, то ему, Саиду, останется только поджечь свои надежды на том проклятом пепелище.

- Ну что ж... Я сегодня звонила Хаджар, она сказала, ты совсем один остался. Я решила вернуться в дом твоего отца. Хочу, чтобы в такой сложный период мы были вместе. Тебе не нужно сейчас оставаться одному. Как ты на это смотришь?

Запретить мачехе он, конечно, не может. Хотя и особой радости от этой новости не испытал. Впрочем, насрать. Он всё равно будет занят поисками, не сможет ведь усидеть на месте.

– Возвращайся. А сейчас извини, мне нужно работать, – мягко намекнул Хади, что той пора, и она не стала сопротивляться. Не с пустыми руками уходит ведь.

– Хорошо, сынок, я пойду. А ты возвращайся к ужину домой, сегодня я сама что-нибудь приготовлю для нас, – приблизившись, чмокнула его в лоб, потрепала за волосы. Саид снова сжал челюсти до хруста.

А когда за Хадией закрылась дверь, взял в руку телефон.

– Три дня истекают в полночь. Я жду тебя в своём офисе, записывай адрес.

ГЛАВА 5

– Приятного аппетита, – улыбаюсь Шамилю, а тот, глядя мне в глаза, как на нечто недвижимое, медленно пережёвывает салат. – У нас сегодня много овощей. Спасибо.

– Не хочу, чтобы ты откинулась.

– И за это спасибо, – хотя я знаю, что по большому счёту ему плевать. Просто мы друг другу удобны сейчас. А когда я стану приносить больше хлопот, чем пользы, он просто избавится от меня.

– Там ещё курица для тебя.

– Тебя долго не было, – с наслаждением кладу в рот лист «айсберга», и скулы сводит от удовольствия. Жить в заточении, оказывается, не так чудесно, как мне казалось ранее.

– Дела были. После того, как клан бросил меня, приходится искать себе работу, чтобы от голода не опухнуть. И тебя вот кормить надо, – тут он, конечно, лукавит. Не заметила, чтобы у Шамиля были проблемы с деньгами. Хотя бы квартиры, которые он снимает на целый месяц, а уходим мы через неделю-две. Да и далеко не курятники снимает.

– Не нужно мне напоминать, что я тебе должна. Я и так помню.

– Как ты себя чувствуешь? Ребёнок моего брата все силы из тебя вытянул. Похожа на мумию.

– Спасибо за комплимент, – хмыкаю, хотя внутри уже поднимается волна боли и слепого, беспомощного гнева. – Ты не мог бы больше не говорить об этом?

– Вот видишь? Тебе больно. И что хорошего в этих чувствах? Они же пожирают вас изнутри, как червь яблоко. Это отвратительно. Мне жаль вас. Тех, кто испытывает боль. Вы жалкие и беспомощные.

– А мне жаль тебя, – отрезаю, отталкивая от себя тарелку с салатом. – Потому что ты не умеешь чувствовать. Как ты там сказал? Дерево?

– Я умею воспроизводить чувства. Вспомни, даже ты не сразу поняла какой я, а?

Да, тут он прав. Социопаты*, как правило, умны и изворотливы. Такой человек в состоянии обмануть даже бывалого психиатра. Что уж говорить обо мне – той, что не разглядела в самом близком человеке психопата, склонного к убийствам.

– Актёр ты, конечно, замечательный. Только чувствовать всё равно не умеешь, – не желая больше продолжать этот разговор, поднялась, но, уловив на себе потемневший взгляд Шамиля, села обратно.

– У нас уговор, – напомнил он.

– Если хочешь, чтобы я с тобой говорила, не задевай мои чувства. Не все здесь такие, как ты.

– Договорились, – беззаботно пожал плечами. – Передай курицу, раз не ешь.

– Сынок! Ну наконец-то! Хаджар уже три раза подогрела ужин, – у порога его встречала Хадия с чашкой кофе в руках. Давно, видать, выглядывает, кофе-то уже плёнкой покрылся.

Нет, зря всё-таки разрешил ей вернуться. Нужно было сказать, чтобы дождалась отца. Теперь даже дома покоя ему не будет.

– Я спешу. Заехал только переодеться, – проскочил мимо, пока она не придумала причину, чтобы остановить его. – У меня много дел.

– Но... Сынок! – всё-таки окликнула, и Саиду скрепя сердце пришлось остановиться.

– Что?

– Я пригласила на ужин одну замечательную девушку. Она родом из Грозного, родители переехали сюда уже давно, но воспитали её правильно. И я подумала...

– О чём ты подумала? – повернулся на первой ступеньке лестницы, вцепившись пальцами в перила.

Хадия отшатнулась, уловив его настрой, но стойко выдержала убийственный взгляд Хаджиева. Ей не привыкать.

– О том, что хватит себя изводить. Думаешь, нам всем легко видеть, как ты истязашь себя день за днём? Тебе пора жениться, сынок. Поверь мне, это поможет. Ты знаешь, как сильно я тебя люблю. Я никогда не баловала так сыновей, которых родила сама, как баловала тебя. И не нужно опасаться меня, прошу. Я твоя мама. И я знаю, как будет лучше для тебя. Потому что я хорошо знаю тебя и твоего отца. Любовь не вернуть, но семья поможет тебе справиться с этой болью. Как я помогла твоему отцу, когда он потерял... Её. Ты ни разу не назвал меня мамой или хотя бы тётей... Но ты мой сын, как бы там ни было. Я ответственна за тебя. И поэтому прошу, не уходи сегодня. Останься. Это

знакомство ни к чему тебя не обязывает. Если девушка не понравится, мы найдём другую. Любую, какую только захочешь. Сынок? – она приблизилась, коснулась его руки. А у Саида красная пелена в сознании. Не от злости на Хадию, нет. Её-то он как раз хорошо понимает. От мысли, что, возможно, Нади больше нет. Действительно нет. И ему придётся всю жизнь искать её запах с другими женщинами. С теми, которых никогда не полюбит так, как любил её.

Как отец. Всю жизнь мающийся и не находящий себе места. Потому что Хаджиев может иметь любую женщину, только не ту, которую любит.

– А с чего ты взяла, что залечила раны отца? С чего ты взяла, что он забыл мою мать? Почему ты решила, что его боль прошла?

Хадия склонила голову, закрыла глаза. По щеке скатилась слеза, и Саид подумал, что это, наверное, жестоко, вот так напоминать ей о нелюбви отца. Женщине, которая, несмотря ни на что, вырастила сына своего мужа от другой. Это, наверное, больно. Но плевать.

– По крайней мере, он больше не лезет под пули, как раньше. Я тогда, и правда, думала, что его убьют. Что придёт однажды кто-нибудь в наш дом и скажет, что Саид погиб... Может, он и не любил меня никогда, но я отдала всю себя вам. Меня тебе не в чем упрекнуть, сынок, – подняла на него глаза, полные слёз, сжала своими пальцами его запястье. – Подумай о том, что я сказала. Пусть не сегодня... Но подумай.

– Думать не о чем. Я найду её. Найду свою невесту, и она станет моей семьёй. Другую женщину я не хочу. Запомни это, Хадия. И больше не лезь в мою жизнь.

Диссоциальное расстройство личности (социопатия) – это игнорирование социальных норм и правил, отсутствие привязанностей, агрессия и склонность к противоправным действиям. Социопат импульсивен и агрессивен, лишен симпатий и привязанностей, а следовательно, не испытывает мук совести, когда наносит вред окружающим.

ГЛАВА 6

– Так, получается... Получается, что в последний раз её видел мужик, тело которого нашли в сгоревшем доме. И больше свидетелей нет, – Молох поморщился. Да, исходные данные не очень. Были бы они получше, Саид и сам бы её нашёл, без посредников.

– Нет, – вздохнул, покосившись на голую девку, что никак не могла отыскать свои шмотки. – Твоя подружка ещё долго будет здесь уши греть?

– Она шлюха, а не подружка, – поднял на него серьёзный взгляд Молох. – Эй ты... Маша, можешь резче собираться?

– Я не Маша.

– Да насрать, – Молох опустошил стакан с виски, удовлетворённо крякнул. – Проваливай. Деньги на тумбочке.

Девушка испарилась, прихватив с собой внушительную пачку денег, на что Саид вздёрнул бровь.

– Это на зоне за пошив рукавиц так хорошо платят?

Рот Молоха пополз набок в насмешливой ухмылке.

– На воле кое-что осталось. Больше не обижай меня такими вопросами.

Саиду нравился этот мужик. Есть в нём сталь, закалённая годами. Есть стержень. Немногословен, но умеет слушать и слышать. Да и десять лет на зоне без всякой помощи извне – это серьёзно. Далеко не каждый выживет.

– Сложно тебе сейчас? Наверное, смотришь по сторонам и не понимаешь, что вообще происходит.

– Есть такое, – кивнул тот. – Но по большому счету насрать. Я заработал себе на безбедную старость и возвращаться в это море дерьма не планирую. Вот найду твою подругу, решу свои вопросы и свалю отсюда подальше. Куда-нибудь на острова, мулаток трахать.

Говорил как-то безрадостно, и Саиду показалось, что Елисей лукавит. Никуда он не уедет. Будет, видать, свою бабу караулить.

– Я выяснил, где она живёт. Твоя бывшая, – склонил голову набок, изучая реакцию Молоха.

– Зачем? Я и сам в состоянии её найти, – скрипнул зубами.

– Небольшая услуга. Чтобы ты не отвлекался от поисков моей женщины.

Молох поморщился, будто лимон сожрал.

– Больше не делай мне никаких услуг, если я не просил.

– Скажем так, твоя баба – моя подстраховка, что ты не спрыгнешь и не исчезнешь. Говорят, ты не только хорошо ищешь, но и качественно уходишь на дно.

Угрожать мужику его женщиной – это жёстко. Да и не любит Саид впутывать в дела баб. Но в этот раз всё по-другому. Будто чувствовал, что у него остался последний шанс найти Надю. И упускать его Саид не собирался.

– Нечестная игра, – усмехнулся Молох, а на глубине глаз вспыхнула такая знакомая Саиду ярость.

– Не волнуйся. Я даю тебе слово, что она не пострадает, если ты выполнишь свои условия сделки. Слово Саида Хаджиева. Так с чего начнём поиски? Какие будут идеи? Сразу предупреждаю, мои люди проделали много работы, и ты не удивишь меня идеей найти свидетелей или прочесать страну в сто пятьдесят пятый раз.

– Я работаю один, Саид. Своими методами. Твою женщину я найду, а от тебя требуется лишь не мешать мне. И твои горные орлы пусть кружат где-нибудь подальше от меня. Это моё условие.

Паршиво. Паршиво это до ужаса, когда не можешь ничего сделать. Ты вроде как всемогущ, но в то же время абсолютно бессилён. И ничего не изменить. Это хреново.

Он согласился с условиями Молоха. Плевать, как тот провернёт дело. Лишь бы получилось. Лишь бы увидеть её ещё раз. Понять, что тогда произошло и где она сейчас. О том женском теле он старался не думать. Не думать, чтобы не сойти с ума. Чтобы не поверить, что это конец и её больше нет. Потому что тогда у него пропадёт цель. Не иметь цели и желаний – это страшно. С ним уже однажды так было. Тогда его вытащил отец и братья, но тогда он был ребёнком. Дети легче переживают трагедии. Они их забывают. Не всегда и не полностью, но боль притупляется. Сейчас, уже во второй раз он, наверное, не выдержал бы такого удара.

В больницу вошёл через чёрный ход, швырнув санитару купюру. Тот, обрадовавшись, с лакейской ухмылкой распахнул перед Хаджиевым дверь и отошёл в сторону.

– Добрый вечер, Саид Саидович, – слышалось уже у палаты, и он повернулся на голос. – Рада вас видеть, но вам не кажется, что время немного неподходящее для посещений?

– Нет, не кажется. Как он?

– Всё так же. Стабильно. И ночные посещения ему совершенно не идут на пользу.

– За те деньги, что я даю на твою больницу, доктор Анна, он уже должен бегать кросс по утрам, – снова проигнорировал её укор.

Женщина заправила тёмную прядь волос за ухо, и в груди что-то закололо. Так же делает Надя, когда нервничает. Первым делом начинает приводить в порядок причёску.

– Знаете, Саид Саидович, не всё в этом мире решают деньги. И мне очень жаль, что вы до сих пор этого не поняли. Это всё издержки воспитания, я считаю. У детей, выросших с золотой ложкой во рту, часто случается когнитивный диссонанс, когда они впервые сталкиваются с тем фактом, что не всё происходит так, как им бы того хотелось. Видите ли, есть вещи, на которые сумма перечисленных вами денег не влияет. Подумайте как-нибудь над этим, – улыбнувшись, сунула руки в карманы светло-синей формы и прошла мимо. – Доброй ночи.

И дерзкая такая же, как Надя. В любом другом случае устроил бы наглой суке хорошую взбучку, но сейчас её хамство пошло ему на пользу. Как-то легче стало, что ли. Кстати, стерва права. Не всё решают деньги. Жаль, он поздно это осознал.

В палате, как обычно, пищали датчики, отчего в висках сразу же застучала боль. А может, это оттого, что он уже давно толком не спал.

– Привет, Махмуд, – встал напротив кушетки, уперевшись руками в железное изножье.

Тот медленно открыл глаза, моргнул.

– Господин Саид... Спасибо, что пришли.

– Не шуми, а то твоя деловая врачиха примчится. Она ещё здесь, шастает по коридору, как фурия.

Губы Махмуда дрогнули, но на улыбку это походило мало. После того, как очнулся, парень вообще словно овощ. Первое время Саиду хотелось избавить его от мучений, да рука не поднялась.

– Она заботливая.

– Угу. Очухаешься, разрешаю тебе её трахнуть.

– А вы... Вы как, господин Саид? Надежду нашли?

Саид вздохнул, опустив голову, и ответ не потребовался.

– Мне жаль, господин Саид. Но я верю... Верю, что найдёте.

– Найду. А ты давай выкарабкивайся. Ты нужен мне, Махмуд. Понял? Я не отпускал тебя.

– Так точно, господин. Я... скоро.

ГЛАВА 7

Пять дней спустя

– Ты обижаешься на меня, – заключил он, усаживаясь напротив. Это уже стало некоей традицией – разговаривать за обедом или завтраком. Ужинаю я обычно одна. – Но тем не менее приготовила еду, – мазнул взглядом по подрумянившейся в духовке курице.

– Мне уже гораздо лучше, вот и стараюсь шевелиться, как сказал врач. А у тебя как дела?

– У меня всегда всё замечательно, – усмехнулся, и в этой улыбке я вдруг увидела Саида.

– Рада за тебя.

– А за себя? За себя ты рада?

Я опустила взгляд в свою тарелку, пожала плечами.

- Не особо. Но... Будет лучше. Потом. Я в этом уверена.

- Потом - это когда? Когда ты перестанешь думать о моём брате и его ребёнке?

- Да, наверное... Ладно, давай поговорим о чём-нибудь другом. К примеру, о нашем уговоре. Когда всё закончится... Что ты намерен делать?

Он пожимает плечами, испытующе смотрит на меня.

- Как и договаривались. Разбежимся в разные стороны. Уверен, ты с первого дня нашего знакомства этого хочешь.

Тут он прав. Большой плюс социопатов - они умны. Если, конечно, не сходят с ума. Но и в своём сумасшествии их интеллект может переплюнуть интеллект учёного физика или психиатра. Хотя Шамиль мне особо умным поначалу не показался. Ещё куча его талантов: он хитёр и изворотлив, а когда нужно, может показаться идиотом или просто умалишённым. Прикинься дурачком - и весь мир у тебя на ладони.

- А я больше чем уверена, что мы оба этого хотим. Но реальность такова, что приходится терпеть общество друг друга. И нет, я не обижаюсь на тебя. Просто не хочу, чтобы ты топтался по моей душе своими грязными, бездушными сапожищами. Понимаешь? Мне больно, когда ты говоришь о ребёнке или Саиде.

- Тогда почему ты считаешь, что любовь - это хорошо? Если она приносит с собой лишь боль, какой от неё прок? - склоняет голову набок, совсем как Саид. Внешне они совсем не похожи, но повадки... Да, что-то общее, определённо, есть.

- Нормальным людям она приносит счастье. Но его ещё нужно построить. А такие, как мы с Саидом... Мы не умеем строить. Мы лишь рушить умеем, - отпиваю из стакана апельсиновый сок, даю себе передышку.

- А я бы смог построить, как считаешь? Что-нибудь создать? Не сейчас, потом, - иногда мне кажется, что он насмехается надо мной, а иногда - что просто

дурачится.

- Ты не мог бы. Для того, чтобы подарить кому-то любовь, её тоже нужно чувствовать.

- То есть чувствовать боль?

- Любовь и боль – это не одно и то же, Шамиль.

Он пожимает плечами, кривится.

- Ну, не знаю. Глядя на тебя, складывается совсем другое мнение.

- Признайся, ты ведь хочешь узнать, как это. Тебе хотелось бы полюбить кого-то, быть кому-то нужным. А иначе зачем это всё? Наши беседы... Такие, как ты, не тратят время попусту.

Шамиль двигает к себе тарелку с куском курицы, щедро поливает его соусом.

- Ошибаешься. Я не хочу вашей любви, от которой вас коротит и ломает. Я хочу снова не попасть в дурку. Для этого мне нужна твоя помощь. Вот и всё.

Открылась дверь номера, Молох сделал шаг в сторону, пропуская гостя.

- Какие у тебя для меня новости? – без приветствий и долгих пауз прямо с порога начал Саид.

- И тебе доброе утро. Чего так рано? Я спал ещё.

- А должен бы работать, – Саид прошёлся по просторному номеру, остановился напротив кровати, где, растянувшись звездой, спала голая девица. – Ничего такая. Всю ночь её пялил?

Молох вздохнул, накинул на себя халат.

– То, что я согласился оказать тебе услугу, не значит, что ты можешь врываться ко мне ни свет ни заря и качать права.

– Это не услуга. Ты работаешь на меня.

– Я ни на кого не работаю. Никогда. Я сам по себе. И работаю исключительно на себя. Если тебя не устраивает, как я работаю, ты можешь отказаться от моих услуг и отыскать свою бабу сам. Хотя, погоди... Ты ж искал уже, да?

Саид усмехнулся, подавляя в себе желание затолкать Молоху в рот ствол и нажать на спусковой крючок раз так пять.

– Да. Я не нашёл её. Именно поэтому сейчас ищешь ты. И если не найдёшь – я тебя грохну. Вместе с твоей тёлкой, которая сейчас трахается с другим мужиком.

Отдать ему должное, удар Молох выдержал. Только знакомый огонь на дне зрачков полыхнул. Это больно. Так, что, кажется, будто кто-то вскрывает тебе грудную клетку ржавым, тупым тесаком. Больно от мысли, что она может быть с другим.

Правда, Саид боялся иного. Того, что её вообще может не быть.

– Тогда её не найдёт никто и никогда. А ты так и будешь ходить по утрам на те руины и сидеть на сожжённой земле до рассвета, – отдача прилетела мгновенно. Ни один мускул на лице Саида не дрогнул, но внутри всё кислотой затопило. Зашипели кровавые ошмётки сердца. Казалось, он даже услышал это.

– Ладно, хватит. Выпроваживай свою шалаву и расскажи мне, что нарыл за пять дней. И на будущее: если не хочешь, чтобы я заваливался в гости по утрам, сам присылай мне отчёт вечером.

Пока Молох надевал штаны и выталкивал из номера сонную тёлку, Хаджиев выглянул в окно, пробежался внимательным взглядом по территории гостиницы. Охрана ждала у машин, всё тихо. Ему уже который день казалось, что кто-то

смотрит ему в затылок. Наблюдает за ним, следит. Но ни бывалые безопасники, ни он так никого и не вычислили. Ощущение слежки есть, а человека, который этим занимается, вроде как и нет. И только сейчас это ощущение исчезло.

– Так, значит, это был ты, – повернулся к Елисею, когда тот уже закрывал за тёлкой дверь.

– В смысле? – Молох состроил непонимающую физиономию.

– Ты пас меня. А я всё никак в толк не мог взять, кто и зачем, – честно говоря, первый день думал, что это люди Шевцова-старшего. Но тех бы он быстро раскусил.

– С чего ты взял?

– Так ты сам только что признался. Ты же сказал, что я бываю по ночам на пепелище. Откуда бы ты знал, если бы не пас меня?

Молох хмыкнул.

– Да, что-то я спросонья маху дал. Ты не подумай, жениться на тебе не собираюсь. Просто люблю знать всё о тех, с кем имею хоть какие-то дела. Это для личного пользования.

Хаджиев кивнул, присел за столик. Кофе бы сейчас выпить. А лучше поспать. Но не даётся ему покой никак.

– Пользоваться ты, конечно, можешь всем, чем владеешь. Только не вздумай пользоваться этим против меня, Молох. Как я уже говорил, лучше я в друзьях, чем во врагах. Что нарыл?

Не спеша, словно намеренно оттягивая время, Елисей позвонил в ресторан, заказал кофе и завтрак. Потом прошёл к креслу напротив и уселся в него.

– Кое-что есть. Не знаю, порадует тебя это или огорчит...

– И? – по позвоночнику прошёл разряд тока и замер где-то в районе лопаток. Наверное, чтобы потом взорваться болью.

Страх... Какое же это жуткое чувство. Лучше бы он никогда его не ощущал.

– Тебе этот мужик не знаком? – на стол легла фотография, и Саид подался вперёд, прилипая к ней взглядом. Мгновенно по телу расплескался яд и заструился по венам.

– Она у него? – голос не дрогнул, но сперло дыхание. В груди тяжело заныло то, что там ещё осталось.

– Пока непонятно. Удалось кое-что узнать в одной из больниц в том районе, где исчезла твоя девушка. Несколько месяцев назад этот мужик привозил к ним беременную девушку. Выкидыш. Её спасли, а потом, спустя неделю, она сбежала из больницы. Больничка так себе. Бюджетная. Камеры есть, но они не работают. Судя по описанию, которое мне дала медсестра, очень похожа на твою. Твоя была беременна?

В глотке запекло от горечи и хренового предчувствия.

– Нет. Не была. А откуда у тебя его фотка? – На снимке Шамиль куда-то шёл по узкому коридору, и снимающему его удалось запечатлеть лишь профиль. Но своего сумасшедшего братца Саид, конечно же, узнал. – Ты нашёл его?

– Медсестра сделала снимок. Роба его не понравилась. Девка едва в штаны не наделала, когда он вломился в больницу с бездыханной бабёнкой на руках. А потом, когда он пришёл проведывать ту с выкидышем, втихаря сфоткала красавца. Я его пока не нашёл, но раз вы знакомы, может, расскажешь мне об этом парне?

ГЛАВА 8

Саид долго смотрел на фотографию братца в руке, пока вены наполнялись яростью и гневом. О Шамиле-то он и позабыл. Оказывается, очень зря. Этот злобный шакал вышел из дурки и теперь явно настроен на месть.

Нужно было порешить его ещё в лечебнице. Зря послушал отца и дал Шамилю шанс свалить. Никогда не поступал благородно, и не стоило начинать.

А теперь этот урод держит у себя Надю. Его, Саида, за яйца держит. Но вот что странно, почему он до сих пор не вышел на связь и не обозначил свои условия? Зачем столько выжидать? Какой в этом смысл?

Или всё это просто совпадение, и Шамиля видели с другой девушкой? Потому что Надя не могла быть беременной. Не могла. Он не кончал в неё, или всё же... Неважно. Не могла и всё.

- О чём задумался? - Молох отвлёкся от дороги, зыркнул на Хаджиева.

- Думаю, нахрена я еду в больницу. Почти уверен, это была не она. Кстати, у тебя ведь есть её фотография. Так почему не показал медсестре, с которой говорил? - взглянул на Елисея, уловил еле заметную ухмылку. Он показал.

- Хотел, чтобы ты сам услышал. Ты же хотел участвовать в поисках. Наслаждайся. Мы, кстати, приехали.

Вылез из машины, огляделся вокруг. Совсем рядом. Всего час езды от дома. Она была здесь? Проходила по этой аллее, по этому тротуару? Как-то не верилось. И Саид вдруг подумал, что уже отчаялся её найти. Что сам начал терять веру, как все остальные. Как её родители, как Вербин. И он теперь, как они, не верит, что однажды коснётся её, снова почувствует запах желанной женщины.

Тряхнул головой, отгоняя дурные мысли.

Нет. Он не они. Он не ошибается.

Сделав знак безопасникам оставаться в своих машинах, зашагал за Молохом. В самой больнице до тошноты воняло лекарствами и хлоркой. Хаджиева даже передернуло, что не укрылось от пронырливого Елисея.

– Да, больничка не из понтовых, к которым ты привык. Но чуть получше, чем на зоне. Раз в десять.

Саид криво усмехнулся.

– Потрепало же тебя.

– А то. Бабы – зло.

Одно такое зло с большими перепуганными глазами и покрашенной блондинистой копной волос они увидели за полкой, отдалённо напоминающей ресепшн.

– А вот и наша краля, – ухмыльнувшись, подметил Молох. – Пойдём, поспрашиваем ещё раз. Чтоб душенька твоя успокоилась.

Хаджиев пропустил его подъёбку мимо ушей и направился к девице, что уже растянула губы в уставшей улыбке.

– Добрый день. Чем могу помочь? Если вы к Николаю Палычу, то его сейчас нет, срочная операция... – запал девки мгновенно утих, когда из-за спины Саида появился Елисей. – Ааа, это вы... Я же вроде всё рассказала в прошлый раз, – заметно побелела. Молох её пытал тут, что ли?

– А ты ещё разок расскажи, красавица. Вот этому вот дяденьке, – Молох облокотился на стойку, отчего та затрещала, пошатнулась и едва не накрыла собой девчонку. – И давай так же честно, как рассказывала мне. А я тебе конфетку дам, – протянул блондинке шоколадный батончик, и та робко приняла.

– Да там и рассказывать-то нечего... Моя смена тогда была. Ворвался этот мужчина с девушкой на руках. Она вся в крови, выкидыш же. Николай Палыч её сразу в реанимацию, откачали. Мужчина навещал её, а потом девушка вдруг исчезла. Сбежала, то есть. Документов при ней не было, а в полицию Николай Палыч побоялся обратиться. Вот и всё, – девчонка пожала плечами, разорвала упаковку батончика.

Хаджиев вздохнул, повертел в руке телефон. Одна секунда до того, как он узнаёт, Надя это была или нет. От этого жутко так, что трясутся поджилки. И он не знал, что на самом деле хочет услышать. То, что это была Надя, вся в крови и с погибшим внутри ребёнком, или то, что это была не она, потому что её здесь быть не могло по одной простой причине?..

Помедлив с минуту, разблокировал гаджет.

– Глянь на снимок. Это она? – повернул телефон экраном к девице, и та, прищурившись, пригляделась. Тут же отрывисто кивнула.

– Да. Точно она. Я запомнила, потому что случай был тяжёлый, девушку избили, а ещё её муж... Он угрожал Николаю Палычу, чтобы тот держал язык за зубами. Жуткий тип. Видать, сам её и избил, гад такой.

– Он ей не муж, – оборвал девицу, и та захлопнула рот.

– Ладно, пойдём. Всё, что надо, у нас уже есть, – хлопнул его по плечу Молох, но Саид будто к полу прилип, не двинуться.

– Скажи, эта девушка... С ней всё хорошо было на тот момент, когда она исчезла?

Медсестра неуверенно пожала плечами.

– Сложно сказать. Она на поправку пошла, да, но всё равно ведь не долечилась. Так что, кто знает.

Вышли на порог, Молох закурил, глубоко затягиваясь едким дымом.

– Ну что? Полегчало?

Саид поднял на него потерянный взгляд, нахмурился.

– Она жива.

– И? Это что, плохо?

– Не плохо.

– Слушай, ну выкидыш – это, конечно, дерьмово, но в остальном всё отлично. У нас есть след, что очень важно. Остальное... – Елисей выронил сигарету, когда Хаджиев схватил его за лацканы пальто.

– Отлично? Отлично, блядь? – встряхнул, как мешок с дерьмом, оскалился. Елисей оторвал его руки от себя, слегка толкнул в грудь.

– Эй, уймись!

– Я не могу уняться, пока она у этого психопата. Этот ублюдок напрочь отбитый, понимаешь? А я тут по больничкам бегаю, опросы устраиваю. Блядь... – уперевшись руками в стену, закрыл глаза и как следует потрянул головой. От новости, что Надя была беременна, и так оглушило, а когда услышал, от чего погиб ребёнок, и вовсе перед глазами нахрен померкло.

Да, ему стало легче. Настолько, насколько могло стать. Потому что она жива. Она есть, несмотря на то, что все говорили ему, будто её нет. Есть. Жива. Она рядом. Была здесь, в этом здании всего несколько месяцев назад. Уже после того, как он закопал женское тело. Значит, она тут. В этом городе. Дышит с ним одним воздухом.

– Мы её найдём, – раздался позади голос Молоха. – Слышишь? И да, всё отлично. Всё просто охеренно. Потому что она жива. И ты теперь знаешь об этом. Всё остальное херня. Пройдёт.

– Пройдёт, – закрыл глаза, улыбнулся, представляя её лицо. – Ты только потерпи, кукла. Я рядом. Всё остальное пройдёт.

– Сейчас зарыдаю. Может, пойдём, а? Холодно здесь.

Саид не двинулся, продолжая жадно хватать холодный воздух, будто до этой минуты не дышал, по меньшей мере, полгода. Только сейчас ощутил вкус надежды, всё ещё живой, хоть и изрядно потрепанной. Только сейчас понял, что

всё ещё умеет чувствовать.

Надя жива. Осталось только найти её. И он найдёт, даже если придётся выжать из себя и Молоха последние соки. Найдёт её и расчленит нахрен Шамиля на мелкие куски. А потом скормит его собакам.

ГЛАВА 9

Шаги отца услышал ещё в приёмной. Саид с детства их узнавал. И первое время в новой семье ждал их каждый день. Когда отец приезжал домой, Саид, обгоняя старших братьев, мчался к порогу, чтобы первым обнять единственного родного человека.

Та привычка уже давно исчезла, но сердце заколотилось, как в детстве. Он уже хотел было отправлять людей на поиски загулявшего старика и где-то в глубине души начинал ощущать тревогу.

И снова ненавидел себя за слабость, за то, что позволил доктору Смирновой разбудить в нём эти поганые чувства. Без них было лучше. Без них было хорошо.

Когда дверь в кабинет открылась, поднялся с кресла, шагнул из-за стола.

– Отец? Рад тебя видеть, – окинул Хаджиева-старшего пристальным взглядом. Что-то в нём изменилось. Причём сильно. Исхудал и как будто даже сильнее поседел. С чего бы это?

– Здравствуй, сын, – Саид пожал отцу руку и вдруг поймал на себе его взгляд. Виноватый, угрюмый. Почти болезненный.

Как тогда... Когда убили мать. Когда его, Саида, вытащили из кучи пепла и передали на руки отцу. Единственный раз в своей жизни Хаджиев-старший стоял на коленях. Саид хорошо запомнил тот день, хотя и не полностью. Частично трагедия стёрлась из памяти, видимо, так детская психика защитилась от ужаса происшедшего. Но некоторые моменты выбились в памяти татуировкой. Самые поганые. К примеру, он запомнил отца, который вместе со

своей охраной копался голыми руками в ещё горячих углях. На их ладонях теперь одинаковые шрамы. Как печать, как напоминание, что далеко не всё им подвластно.

Лишь раз Саид видел, как плачет его отец. Он рыдал не как мужчина, повидавший многое, он рыдал, как ребёнок, осиротевший в один миг. От горя и облегчения одновременно. И Саид не был уверен, что отец смог бы всё это пережить, если бы потерял тогда и сына.

И сейчас вот снова увидел ад в его глазах. Боль и немую печаль, которую понять мог лишь Саид.

- Что случилось, отец? Где ты был?

Тот устало снял пальто, швырнул его безопаснику, застывшему каменным изваянием у двери. Кивнул ему, и тот вышел.

- Я позже тебе расскажу. Сейчас не время.

- Не время для чего? Если что-то произошло, я должен знать. Дела идут нормально, но если ты о...

- Сынок, - отец перебил его, положив свою руку Саиду на плечо. - Наши дела идут хорошо. Ты справляешься, и я горжусь тобой. Рад, что даже в такой период своей жизни ты не сдался и не опустил руки. То, где я был... Мы обсудим это позже. Не сейчас. Я просто хотел тебя увидеть.

Чувство недосказанности усилилось, и теперь Хаджиев-младший был уверен: отец что-то скрывает. Допытываться не стал, лишь выдвинул стул, чтобы отец присел.

Обошел стол, сел напротив.

- Выпьешь чего-нибудь?

- Нет... Нет, - отец покачал головой, как-то задумчиво улыбнулся. - Расскажи мне, как твои дела? Что с Надеждой? Продолжаешь поиски?

Откуда отец знает о его делах, даже спрашивать не стал.

- Продолжаю. На днях узнал, что она жива. Но, думаю, ты и так в курсе?

- Разумеется, - не стал отпираться Саид-старший. - Ты же не думал, что я оставил тебя в такой момент?

Честно говоря, думал. Но как-то на этом не заикливался особо. Не до того было. Он смог нормально отоспаться только после посещения больницы. Новость о том, что Надя жива, вдохнула в него жизнь, и стало легче. Насколько могло, конечно, полегчать. Да, она всё ещё была в руках ебаного психованного братца, и Саид не знал, что с ней, но был уверен: Шамиль её не убьёт. Возможно и скорее всего, попытается с её помощью отомстить, но не убьёт. По крайней мере, пока. Утешение так себе, конечно, но по сравнению с тем, что могло произойти с ней в том доме, уже удача. Саид знал, она выдержит всё. Она сильная девочка.

- Я найду её.

- Я знаю, - отец кивнул, чем немало удивил Саида, уже привыкшего слышать от всех родственников и знакомых, что Надя погибла, а он слепой идиот. - Ты молодец. Нельзя сдаваться. Что ж, я поеду домой. Хочу отдохнуть после перелёта, - и замолчал, будто сболтнул лишнего. Жду тебя за ужином. Марата я тоже позвал.

- Ладно. А приходил ты?..

Отец улыбнулся, снова хлопнул его по плечу.

- Просто хотел увидеть сына. Это преступление?

Дожимать отца Саид не решился. В этом не было смысла, всё равно старший Хаджиев не расколется. Придёт время - сам всё расскажет.

Долго задерживаться отец не стал, а когда дверь за ним закрылась, в кабинет вплыла Виолетта. Или Вероника. Саид даже не пытался запомнить её имя. Даже если он будет называть её шваброй, шалава и бровью не поведёт.

– Желаете кофе? – надо отдать должное девке, она не была идиоткой и довольно скоро изучила его привычки. Причём умудрилась расписать всё по часам и, как ни странно, четко попадала в цель. Может, и не зря отец взял её на работу. Такой себе органайзер с сиськами.

– Принеси, – ответил, постукивая ручкой по столу. Что же такое с отцом случилось? Последить за ним, что ли? Хотя это уже перебор.

– Сегодня на ужин я заказала вам рыбу и морепродукты, а также салат с тунцом и брокколи. Очень полезно для мужчин.

– Я буду ужинать дома. Можешь идти.

– Что ж, ужин отменю. Завтра у вас встреча с...

– Я сказал, свободна, – поднял на неё взгляд, на что девица облизнула пухлый рот и подалась вперёд, нависнув над столом так, что взору Саида открылась полная силиконовая грудь с коричневыми крупными сосками.

И его это не завело. Вообще.

– А может, всё-таки минет? Вы целыми сутками здесь сидите, неужели не скучаете по женской ласке? – нагло улыбнулась, а он сунул шариковую ручку в её блузку, слегка оттянул и так гуляющую ткань.

– Ты же резиновая вся. И холодная, как дохлая рыба. Как такую вообще ебать можно?

– А ты попробуй. Обещаю, до утра с меня не слезешь, – выдохнула ему в губы уже распластавшаяся на столе девка. – Потом ещё захочешь, – её губы почти коснулись его, и Саид отпрянул, скривившись.

– Свалила.

Секретутка нехотя сползла со стола, наигранно надула губы.

– До завтра, Саид Саидович. Уже скучаю, – послала ему воздушный поцелуй и зацокала каблуками к выходу.

– Чтобы завтра пришла в закрытом костюме, а то уволю нахер, – бросил ей вслед, на что сука вильнула бёдрами.

– Не уволите. Я вам нравлюсь.

Шалава дешёвая. Но ему, и правда, нравилось. Не она, нет. Ощущение свободы от НЕЁ. От той, по кому хочется по ночам выть, как брошенному волку. И чем дольше он смотрел на других женщин, заставляя себя почувствовать к ним влечение, тем скорее понимал, что он и есть тот самый волк, которому нужна лишь одна единственная волчица. Больше никому не утолить его голод.

ГЛАВА 10

За столом его ждала почти вся семейка, за исключением среднего брата Валида. Тот свалил с женой рожать детей куда-то на острова и теперь возвращался домой лишь по большим праздникам. Максимум пару дней, и то, если выдерживал так долго. Они с отцом не особо ладили, а с некоторых пор и с самим Саидом.

– Добрый вечер, – поздоровался угрюмо, взглянул на часы.

– Привет, – Марат поднял на него обеспокоенный взгляд, от которого Саиду захотелось блевануть. Достала эта гребаная жалость. В печёнках уже сидит.

– Здравствуй, сынок, – нараспев протянула мачеха и бросила улыбчивый взгляд на Хаджиева-старшего. Тот лишь молча кивнул сыну и снова уткнулся в свой телефон, хотя раньше такой привычки за столом не имел. – Все на месте, можно подавать горячее, Хаджар. И проследи, чтобы оно было действительно горячим, – скомандовала Хадия. – Присаживайся, сынок. Как прошёл день?

– Отлично, – ответил на автомате, особо не вслушиваясь. Его сейчас больше интересовал отец. Что с ним не так?

– Ну и хорошо. Так давно не собирались всей семьёй за одним столом, что я уже и забыла каково это. Жаль, Валид не смог прилететь. Они с Шахидат решили устроить детокс от гаджетов, и я не смогла дозвониться. Модная такая штука сейчас. Жаль, ваш отец не может позволить себе отключить телефон хотя бы ненадолго, – страдальчески и с любовью взглянула на своего мужа, а тот поднял на неё молчаливый, но, тем не менее, очень говорящий взгляд, видимо, предлагая жене заткнуться. И намёк она явно уловила, потому что всё, что хотела сказать после, так и осталось неозвученным.

– Как ты? – подал голос Марат, и Саид пожал плечами.

– За те два дня, что ты меня не доставал, я едва не свалился со скалы и не утонул в море. Но чудом выжил.

– Что с поисками? – пропустив сарказм Саида мимо ушей, Варвар продолжил допрос.

– Она жива. Это главное.

– Я рад, что ошибался.

А уж Саид-то как рад. Знать бы ещё, как она там. А лучше увидеть. Просто коснуться её рукой, почувствовать, что она рядом.

Просто ощутить запах, которого так не хватает.

– Что ж, я рад видеть своих сыновей, хоть и не в полном составе, – заговорил отец, наконец, отложив телефон, но посмотрел почему-то на Хадию. Тяжело так, со злобой даже. Он, конечно, никогда не смотрел на неё с любовью, но всегда уважал и учил этому сыновей. Саид не видел ещё такой ненависти в глазах отца. Если только к врагам, но то уже совсем другой разговор. – У меня только один вопрос к тебе, женщина. Кто разрешил тебе вернуться в этот дом?

Марат покосился на отца, нахмурился.

– Что-то случилось?

– Не лезь, когда я разговариваю с твоей матерью, – оборвал его отец, на что старший брат поморщился.

– Ты груб с моей матерью.

– Я имею на это право. Она не только твоя мать, но и моя жена. Ты можешь воспитывать свою женщину, а не меня.

В столовой повисла тяжёлая пауза, и было слышно лишь звяканье посуды на кухне.

– Мне разрешил вернуться Саид. Он заботится обо мне, как я заботилась о нём когда-то. Но если ты против, я могу уехать прямо сейчас, – похолодевшим тоном произнесла Хадия, на что получила утвердительный кивок Хаджиева-старшего.

– Это самая мудрая идея, которая только могла прийти тебе в голову.

Хадия вскочила, словно её кипятком ошпарили. Да, отец и раньше был строг со своей семьёй, в том числе и с женой. Но никогда не грубил ей при сыновьях. По крайней мере, Саид такого не помнил.

– Что ж... В таком случае я уйду. Поеду в гостиницу, как нищая родственница! Раз мой муж не желает видеть в своём доме мать своих детей!

– Ты понятия не имеешь, как живут нищие! – неожиданно вскочил отец, уперевшись в столешницу кулаками. Его губы задрожали в презрительной гримасе, а глаза полыхнули яростью. – Уходи, Хадия, а то, клянусь, я избью тебя!

– Отец! – вскочил на ноги и Марат. – В чём дело? В чём виновата моя мать?

– Ты тоже можешь уйти. Я не намерен оправдываться, – отрезал Хаджиев-старший, опускаясь обратно на стул.

– Ладно. В таком случае я забираю маму в свой дом. Если решишь извиниться перед ней, приходи в гости, – старший брат толкнул стул и взял побледневшую Хадю под руку.

– Это вряд ли, – кинул им вслед отец и повернулся к Хаджар, что застыла у двери столовой, прижав руки к груди. – Принеси мне коньяк! И поживее!

Женщина бросилась из столовой вслед за своей госпожой, а Саид перевёл взгляд на свирепого отца.

– Мне тоже уйти?

– Остайся.

– Тогда, может, расскажешь, что происходит? Зачем ты прогнал свою жену? Зачем унизил её у нас на глазах?

Хаджиев-старший подался вперёд и как-то жутко усмехнулся. Даже Саиду стало не по себе.

– Унизил? Неет, сынок. Не унизил. Я её спас.

– И от кого же?

– От себя.

Давить на отца сейчас было бы ошибкой. Саид знал его, потому что и сам был таким. Придёт время, и отец всё объяснит. Если захочет, разумеется.

Аппетит пропал окончательно, и Саид отложил вилку. Тут же появилась Хаджар с бутылкой коньяка и бокалом.

Ещё один повод для беспокойства. Отец никогда не пил в присутствии сыновей.

– Надя у Шамиля, – сказал зачем-то, хотя отец и так должен быть в курсе.

– Я знаю. Скорее всего, использует её как страховку. Ведь ты обещал его убить, – ответил Хаджиев-старший, наполняя бокал.

– Теперь точно убью.

Отец цокнул языком, покачал головой.

– Не торопись с выводами. Иногда мы многого не замечаем или понимаем совсем не так, как всё обстоит на самом деле, – отец выпил и снова налил. – О Шамиле мы поговорим позже. Сейчас придет главный гость этого вечера. И тебе придется отвлечься от своих переживаний.

Саид нахмурился, но с вопросами решил не торопиться. Пусть всё идет своим чередом.

А когда отец опустошил четвертый по счёту бокал, в дверь постучали.

– Войди! – приказал громко, и в столовой возник один из его безопасников.

– Господин, она здесь.

– Хорошо, – отец вздохнул, потёр пальцами одной руки виски. – Пусть войдёт.

Её завели под руки два охранника, третий отошёл в сторону, широко распахивая дверь.

Саид вонзился в неё взглядом, потому что на мгновение показалось, что он знает эту женщину. Маленькую, хрупкую, красивую... Она была в чёрном платке и каком-то тёмном пальто, но эту фигуру он узнал бы под любой одеждой. Так, словно видел её в последний раз только вчера.

Мать не забывают. Образ матери отпечатывается на сердце вечной татуировкой, свести которую не под силу никому и ничему.

Выдох застрял в горле, где стало вдруг невыносимо больно. Словно ему нож в глотку воткнули. И в груди яростно запекло, будто углей раскалённых нажрался.

– Мама, – выдохнул хрипло, медленно поднимаясь со стула.

ГЛАВА 11

Когда она вошла в столовую, он подумал, что это какая-то идиотская, абсолютно ненормальная шутка, за которую он не простил бы даже родного отца. Но потом посмотрел на Саида-старшего и подумал, что тот ни за что не стал бы так шутить, а того, кто хотя бы подумал о подобном, удавил бы своими руками. А сейчас он глядел сыну в глаза, и отпечаток долголетней боли теперь не был так заметен. Отец был счастлив, хоть и немало нервничал.

Боялся и старательно отводил глаза, будто стыдясь сына или того, что скрывал от него. Вот, что с ним происходило все эти месяцы. Мама. Он нашёл её раньше и не знал, как сказать Саиду. Но... Где она была всё это время?

А может, не она? Может, это чья-то игра? У них мало врагов, но если кто осмелится навредить, то не станет переть напролом. Зайдёт сзади и ударит по самому больному.

И снова ей в глаза, едва не валясь с ног от абсолютного шока.

– Кто ты? – с тяжёлым выдохом закрыть глаза, мотнуть головой. Если это сон, то он очень реален. Потому что больно по-настоящему. Так больно, будто из груди сердце рвут.

Они могли найти похожую женщину и изменить её внешность. При желании из любой овцы можно слепить голливудскую актрису. Был бы стимул. А у того, кто это затеял, он явно был. Как и желание ранить в самое сердце. Добраться до лба Хаджиевых пульей крайне нелегко. Ещё труднее найти у них слабое место. Кому-то удалось.

– Это она, – прошептал отец, подняв на него глаза. – Не сомневайся. Это она.

Женщина сидела на отодвинутом стуле совсем рядом, но он не хотел на неё смотреть. Слишком. Это, блядь, уже слишком.

– Откуда ты знаешь? Тест ДНК сделал?

– Если хочешь, можем вместе пройти эту процедуру, – слуха коснулся её голос, и внутри всё сжалось в болезненный ком нервов.

Можно изменить внешность, можно выстрогать из любого бревна нужного человека. Но голос... Голос нельзя так подделать.

– Мама... – и взглядом в её лицо вонзился, как обезумевший. Нет. Будь это другая, чужая женщина, он бы почувствовал.

– Сыночек мой, – коснулась его щеки дрожащими пальцами, нежно огладила.

Саид помнил её прикосновения, ничего не забыл, оказывается. И, как бы ни вглядывался в её лицо, не мог отыскать там ни фальши, ни лжи. Это она. Она. Настоящая. Почти такая же, как в детстве. Только постарела. Или просто он давно её не видел.

Всё ещё не верил своим глазам и жутко боялся коснуться её, чтобы не развеять марево. Потому что её не могло быть здесь. Никак не могло.

Поворачивался к отцу, изучал недоверчивым взглядом и его. Старик, и правда, поседел за последнее время. Но выглядел почему-то моложе. Наверное, из-за этого марева. Оно видится им обоим.

– В это трудно поверить, я знаю. Я сам не верил, но... – отец заговорил первый после паузы в долгих полчаса. – Ты сам всё видишь, сын. Твоя мама истощена после долгих лет плена... В общем, не об этом сейчас. Давайте перейдём в гостиную, там поудобнее будет. Нам всем нужно время.

Время действительно необходимо. Саиду так точно. У отца, похоже, было несколько месяцев, чтобы принять тот факт, что она жива. Ему же такой возможности не дали.

– Как так вышло? – спросил у обоих и одновременно ни у кого спустя ещё полчаса. Глядел в пол перед собой, не в силах посмотреть на маму, не в силах её коснуться.

Она поднялась с дивана напротив, жестом руки остановила Хаджиева-старшего, который пытался ей помочь, и шагнула к Саиду. Присела рядом, тёплая рука легла на его затылок, а виска коснулись материнские губы.

Она всегда так делала в детстве, когда он злился или плакал. Эта ласка успокаивала его без всяких слов. И сейчас, казалось, стало немного легче.

Повернулся к ней и, не удержавшись, прижал маму к себе. Вдохнул запах её волос, некогда мягких и пахнувших полевыми цветами, а сейчас посеребрённых сединой, но не утративших прежнего аромата. Отстранился, взяв её лицо в свои ладони.

– Я так скучал по тебе. Все эти годы... Я до сих пор невыносимо скучаю, мама. Где ты была? Почему оставила меня? – сейчас, наверное, в нём говорил эгоистичный, обиженный ребёнок. Но разве можно воспринять такое нормально? Он ведь помнил ту ночь. Частично, но помнил. Её крики и кучи пепла. Её тело, которое так старательно прятали от него. Всё ложь. Столько лет он верил в ложь.

– Я всё тебе расскажу, мой дорогой. Всё расскажу, сынок. Дай только полюбоваться на тебя. Каким ты красивым стал, каким взрослым... Настоящий мужчина, как твой отец. Такой же сильный и мужественный. Мне так жаль, что всё это произошло с нами... Мне очень жаль, что за ошибки других расплачивался мой мальчик, – голос её дрогнул, стал вдруг стальным, будто она пыталась побороть в себе ярость. Такой Саид её не помнил. Она никогда не злилась. Даже если её обижали, она всегда отвечала улыбкой.

– В каком плену ты была? – задал вопрос, который звенел в голове ещё со столовой. Отец что-то сказал такое, и теперь эта фраза стучала пульсом в голове.

Пальцы мамы зарылись в его короткие волосы, прошлись по голове успокаивающим жестом и застыли на висках.

– Одни люди... Нехорошие люди похитили меня. И долго держали в лечебнице...

– Какие люди? Кто? Ты их знаешь? И что за лечебница? – перевёл взгляд на отца. Уж он-то точно во всём разобрался. Не мог не разобраться.

Но старший Хаджиев покачал головой, закрыл глаза, обхватывая ладонями голову. И так оцепенел на несколько минут.

– Давай не будем сейчас об этом, сынок? Прошу тебя, давай просто насладимся встречей. Я столько лет мечтала о ней. Я ведь только ради вас двоих держалась. Так бы давно с ума сошла. Но не позволила себе... – она заплакала, и Саида изнутри затопило горячей волной. Казалось, он сейчас сам зарыдает, чего не делал с того самого дня, когда услышал, что матери больше нет. Он тогда не разрешил себе проявить слабость и явить её новой семье. А сейчас был готов расплакаться, как мальчишка.

– Расскажешь, когда будешь готова. Но знай, я их всех прикончу. Если они ещё живы, они пожалеют об этом, – прижался лбом к её лбу, закрыл глаза, снова их открыл, чтобы убедиться, что это всё-таки явь и он не спит. – Я люблю тебя, мам. Так сильно люблю тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sherr_anastasiya/37444-said-3-v-ogne

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)